

А. Ю. Веселова

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПОЗДНИХ ТРАГЕДИЙ А. П. СУМАРОКОВА

Резюме

В статье рассматриваются три наименее известные и самые неизученные трагедии Александра Петровича Сумарокова: «Ярополк и Димиза» (1768), «Вышеслав» (1768) и «Мстислав» (1772). Как современники, так и последующие критики оценивали эти трагедии невысоко, помимо прочего указывая на то, что описанные в них события далеки от исторической достоверности. Тезис об антиисторичности этих трагедий Сумарокова развивался и в научных работах, посвященных его творчеству, в XX столетии. Однако предложенный в статье анализ событий и имен героев показывает, что с каждой следующей трагедией Сумароков все больше стремился к соблюдению принципа исторической достоверности, хотя и в известных пределах. Источником сведений для Сумарокова в период его работы над поздними трагедиями мог послужить не только «Синописис» И. Гизеля (1674), на который уже указывалось в работах исследователей, но и «Древняя российская история» М. В. Ломоносова (1766). Кроме того, на формирование самого этого стремления мог повлиять немецкий перевод произведений У. Шекспира, подготовленный К. В. фон Борком и К. М. Виландом (1762–1764).

Ключевые слова: русская драматургия XVIII века, А. П. Сумароков, трагедии, древняя русская история

Aleksandra Yu. Veselova

THE HISTORICAL BASIS OF THE LATER TRAGEDIES OF A. P. SUMAROKOV

Abstract

The article examines the three later tragedies of Alexander Petrovich Sumarokov: "Yaropolk and Dimiza" (1768), "Vysheslav" (1768) and "Mstislav" (1772). All of them were little known

and not highly appreciated by contemporaries and critics, who pointed out that the events described in them were far from being historically reliable. 20th-century scholars developed the thesis about the pseudohistorical nature of these tragedies by Sumarokov. Nevertheless, the analysis of the events and the names of the heroes shows that with each further tragedy, Sumarokov was striving to comply with the principle of historical reliability. Sumarokov's likely sources of information for his late tragedies consisted not only of I. Gizel's "Synopsis" (1674), which researchers have already indicated, but also of M. V. Lomonosov's "Ancient Russian History" (1766). In addition, the very desire for historical accuracy could have been stimulated by the German translation of Shakespeare's works by K. V. von Bork and K. M. Wieland (1762–1764).

Keywords: 18th-century Russian drama, Alexander P. Sumarokov, tragedies, ancient Russian history

DOI 10.31860/2712-7591-2022-1-110-124

Данная статья посвящена трем наименее известным и самым неизученным трагедиям Александра Петровича Сумарокова: это «Ярополк и Димиза», «Вышеслав» и «Мстислав». Всего Сумарокон написал девять трагедий, из них в шести события происходят в домонгольской Руси. Рассматриваемые трагедии относятся к позднему периоду трагедийного творчества Сумарокова: «Ярополк и Димиза» является переработкой 1768 г. не дошедшей до нас трагедии «Димиза» (она была создана в 1758 г., после семилетнего перерыва в написании трагедий, но так и не была напечатана). «Вышеслав», как и «Ярополк и Димиза», появился в 1768 г., через десять лет после «Димизы», а «Мстислав» — в 1772 г.

Все эти трагедии были менее популярны, чем более ранние, написанные на древнерусском материале, а также чем «Димитрий Самозванец», относящийся к этому же времени. «Ярополк и Димиза» и «Мстислав» ставились по два раза, «Вышеслав» — три, в то время как, например, «Хорев» и «Семира» были представлены более десяти раз, а «Синав и Трувор» и «Димитрий Самозванец» — около пятидесяти [Ельницкая]. Вероятно, такая судьба трагедий была связана и с изменением вкусов публики (им более отвечали произведения новых драматургов, постепенно появлявшиеся на русской сцене), и с теми экспериментами, к которым Сумарокон обратился на последнем этапе своего творчества, максимально упрощая интригу и переводя все действие в область психологических переживаний главных героев [Веселова 2017]¹.

¹ Ряд наблюдений над особенностями поздних трагедий Сумарокова в сравнении с ранними, а также некоторые статистические подсчеты были сделаны Г. А. Гуковским [Гуковский].

Невысоко оценивала эти трагедии и критика, в том числе и в XIX столетии. В большинстве обзоров трагедийного творчества Сумарокова «Ярополк и Димиза», «Вышеслав» и «Мстислав» либо вовсе не упоминаются, либо относятся к разряду слабых и не рассматриваются подробно [Веселова 2011]. Более же всего от критиков досталось «Мстиславу», который для пишущих о Сумарокове знаменовал закат его драматического таланта. Так, А. Ф. Мерзляков, один из самых влиятельных критиков своего времени (см. [Стенник 1999]), в обзоре творчества Сумарокова 1817 г. для журнала «Вестник Европы» пишет о «странном» ходе трагедии «Мстислав» и, называя ее «непостижимо текущей», задается вопросом: «Как они (княжна псковская, князь тмутараканский и киевский) сошлись в одно место?» [Мерзляков, с. 137]. Именно Мерзляков одним из первых поставил под сомнение историчность трагедии.

Тезис об антиисторичности трагедий Сумарокова развивался и в научных работах XX столетия, посвященных его творчеству. Вопросу об исторических источниках трагедий Сумарокова более всего внимания уделил Ю. В. Стенник. Говоря об «условном древнерусском колорите» ряда трагедий Сумарокова [Стенник 2004, с. 101], он утверждает, что «Димитрий Самозванец» — единственная трагедия, «в основу которой положено реальное событие» [Стенник 2004, с. 102], отмечая, что в целом «подход Сумарокова к историческому прошлому, национальному или чужому, был отмечен характерным для его времени антиисторизмом художественного мышления» [Стенник 1981, с. 73]. Справедливо указывая на некоторые явные приметы такого антиисторизма, например бумагу в руках Олега в трагедии «Семира», Стенник анализирует преимущественно поведение героев, показывая (в основном, правда, на примере ранних трагедий), что Сумароков связывает «собственные представления об этических нормах Древней Руси с современностью» [Стенник 1981, с. 73], тем самым превращая традиции русской национальной истории в «эквивалент античности» [Стенник 2004, с. 100]. И. З. Серман также пишет о восприятии Сумароковым Киевской Руси как «особой героической эпохи национальной истории», на примере которой можно предлагать публике моральные уроки [Серман, с. 131].

Справедливость этих утверждений не подлежит сомнению. Данная статья представляет собой попытку посмотреть на поздние трагедии Сумарокова под другим углом и попытаться установить, где автор все же опирается на исторические сведения и откуда он мог их почерпнуть.

Прежде всего следует обратить внимание на имена, вынесенные в названия трагедий. Это имена реальных русских князей из династии Рюриковичей, и они появляются только в этих трагедиях. В более ранних имена

в названиях либо вымышленные (Семира), либо относятся к правителям самого раннего периода формирования русских княжеств, которых мы бы сейчас скорее назвали легендарными (Хорев, Синав и Трувор). Это же касается и почти всех действующих лиц ранних трагедий, таких как Кий, Гостомysl или Оскольд.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 1768 г. Сумароков обратился к новому для него историческому периоду, сведения о котором более достоверны и подтверждаются рядом источников. Речь идет именно о 1768-м, а не 1758 г., потому что, согласно сведениям, приводимым В. И. Резановым, работавшим с так называемыми парижскими рукописями Сумарокова, в том числе со списком трагедии «Димиза», являвшейся ранним вариантом «Ярополка и Димизы», в этом раннем варианте Ярополк носил имя Острозор, а в заглавии было только вымышленное имя главной героини [Резанов]. Этот момент представляется весьма значимым: Сумароков заменил вымышленное имя Острозора на реальное (Ярополк) и добавил его в название трагедии. Все следующие его трагедии, включая «Димитрия Самозванца», названы по имени главного героя, имеющего исторический прототип или, по крайней мере, носящего имя реального исторического лица.

Меняется и титулатура князей. Кий и Синав в ранних трагедиях названы «российскими князьями», Олег в «Семире» — «правителем Российского престола», что, безусловно, исторически неточно. Первую попытку уточнить титул мы видим в «Димизе»: по свидетельству Резанова, князь Владисан в этой ранней редакции именовался «киевским князем» [Резанов]. Впрочем, в окончательном варианте, в «Ярополке и Димизе», Сумароков вернулся к привычному наименованию «российский князь». Возможно, это отражает его колебания, в результате которых он все же пришел к более точным наименованиям: Вышеслав в одноименной трагедии назван «новгородским», а Мстислав, соответственно, «тмутараканским князем». Поэтому определить их предполагаемых исторических прототипов нетрудно: нам известны только один новгородский князь Вышеслав (ок. 977—1010, княжил в Новгороде в 988—1010 гг.) и один тмутараканский князь Мстислав (род. ок. 983, тмутараканский наместник киевского князя с 989 г., тмутараканский князь в 1010—1036 гг., черниговский — в 1024—1036 гг., ум. 1036). Оба они были сыновьями князя Владимира Святославича, крестителя Руси, то есть братьями, хотя и от разных матерей. Идентификация Ярополка могла бы составлять некоторую трудность, так как Ярополков было два: Святославич, брат Владимира, и Владимирович, сын Владимира Мономаха. Но то обстоятельство, что действие в пьесе происходит во времена язычества, так

как герои неоднократно обращаются к богам, а в финале жрецы ждут Ярополка с Димизой в храме, заставляет соотнести сумароковского Ярополка с киевским князем Ярополком Святославичем (дата рождения неизвестна, киевский князь в 972—978 гг., погиб в 978 г.), который, таким образом, приходится Вышеславу и Мстиславу дядей. Итак, эти три трагедии могут быть отнесены к небольшому в масштабах летописной истории периоду, до и во время правления князя Владимира Святославича.

Теперь обратимся к отдельным трагедиям. «Ярополк и Димиза» содержит меньше всего отсылок к историческим фактам. Можно сказать, что единственным историческим фактом в ней является имя Ярополка. Действие трагедии происходит в Киеве, в доме вымышленного российского князя Владисана. Его сын Ярополк хочет жениться на боярской дочери Димизе, отец же надеется найти для него более подходящую супругу и укрепить династию. Ярополк поднимает бунт против отца, но Димиза останавливает его руку с занесенным мечом, после чего Владисан соглашается на их брак. Наперсник Ярополка Крепостат называет Владисана преемником легендарного Кия. Но если обратиться к личности реального Ярополка, то приходится констатировать, что здесь Сумароков неточен, а фигура Ярополка в его трагедии весьма условна: согласно большинству источников, преемником легендарного Кия стал Игорь, дед Ярополка. Нам неизвестны факты о вражде Ярополка с отцом, князем Святославом, от которого он принял сначала временное, а после смерти отца и постоянное правление Киевом, а также жену, греческую монахиню, взятую Святославом в плен. Ярополк, правда, участвовал в междоусобной вражде с братьями, в которой сначала погиб древлянский князь Олег, а потом сам Ярополк был убит собственным братом Владимиром Святославичем, в тот момент занимавшим новгородский престол. Но в сюжете с бунтом против отца аналогия скорее может быть проведена с племянником реального Ярополка, Ярославом, который в 1015 г. в качестве новгородского князя отказался платить положенную дань Киеву. Его отец Владимир готовился на него идти и собирал войско, но внезапно заболел и умер. Киевский престол унаследовал Святополк, у которого его вскоре отбил Ярослав.

Таким образом, трагедия «Ярополк и Димиза» вполне может быть названа антиисторичной трагедией. И, судя по приводимым Резановым различиям, она мало отличалась от первого варианта под названием «Димиза». Можно предположить, что в 1768 г. Сумароков не захотел существенно менять имеющийся текст, а в 1758-м, когда «Димиза» была написана, не имел возможности обратиться к необходимым историческим источникам или не ставил перед собой такую задачу.

Обращение к следующей драме, вышедшей в том же году, что и «Ярополк и Димиза», — к трагедии «Вышеслав» — показывает, что ее содержание несколько больше соотносится с историческими фактами, хотя и ненамного. Ее заглавный герой, новгородский князь Вышеслав, влюблен в пленницу, искорестскую княжну Зениду, которую он обещал искорестскому же князю Любочесту, когда-то спасшему ему жизнь. После ряда перипетий Любочест сам уступает Вышеславу Зениду, и пьеса завершается их браком.

Нам известен исторический князь Вышеслав Владимирович, сын Владимира Святославича, который занимал новгородский престол в период с 988 по 1010 г. Что касается Искореста, то этот город, как известно, был сожжен княгиней Ольгой в 946 г. и после этого, утратив значение древлянской столицы, вошел в Киевское княжество. Но с 970 г. эти земли стали Овручским княжеством в составе Киевской Руси. Во времена Вышеслава им правил его брат Святослав Владимирович (с 982 по 1015 г.), о вражде с которым сведений нет. Можно было бы предположить, что в битве под Искорестом, описанной в трагедии, нашла отражение междоусобица дядьев Вышеслава, князей Олега и Ярополка Святославичей, в которой древлянский князь Олег погиб в Овруче в 977 г. Для этого необходимо допустить, что Сумароков отдавал отчет в преемственности Искореста и Овруча. Учитывая, что в трагедии Искорест именуется «древлянским пределом», а также что в том же году, когда был написан «Вышеслав», Сумароков переделал «Димизу», заменив Острозора на Ярополка, такое пересечение представляется возможным, а Вышеслав в трагедии предстает контаминацией образов Ярополка и исторического Вышеслава.

Стоит также обратить внимание на то, что мир трагедии «Вышеслав» изображен языческим, так как герои постоянно обращаются к богам, хотя князь Владимир принял крещение и крестил сыновей в 988 г., то есть именно в тот год, когда Вышеслав занял новгородский престол. Очевидно, Сумароков не учитывал это обстоятельство, привычно обозначив древнерусских князей как язычников.

Намного более историчной, чем рассмотренные выше, представляется последняя пьеса Сумарокова, «Мстислав». Парадоксально, но именно ей выпало в позднейшей критике стать примером крайней неисторичности сумароковских трагедий. Об этом, например, пишет Н. Н. Булич: «Действующие же лица трагедий Сумарокова не принадлежат никакой стране, никакому народу. Ни исторического, ни жизненного содержания в них не было никакого, и ко всем трагедиям Сумарокова легко можно поставить эпиграфом извещение, находящееся при его трагедии „Мстислав“: „действие происходит в Тмутаракани“» [Булич, с. 174].

Однако действующие лица трагедии и некоторые ее сюжетные элементы, очевидно, имели под собой историческую основу, как и место действия. Тмутараканское княжество существовало в X—XII вв. на Таманском полуострове и в Восточном Крыму. Центром его был город Тмутаракань (современная Тамань). Несмотря на упоминание в летописях, княжество долгое время считалось вымышленным, поэтому само выражение «Тмутаракань» стало обозначением несуществующего места. Но в 1782 г. был обнаружен Тмутараканский камень, на котором князь Глеб Святославич отметил расстояние по льду Керченского пролива между Тмутараканью (Таманью) и Корчевом (Керчью) — двумя крупнейшими городами княжества. Это произошло уже после смерти Сумарокова, но такой факт должен был быть известен его критикам.

По сюжету трагедии тмутараканский князь Мстислав влюблен в псковскую княжну Ольгу, которая является невестой его брата Ярослава. Ярослава считают погибшим в междоусобной борьбе с братом, и Мстислав пытается вызвать в Ольге ответное чувство. Неожиданно появившийся Ярослав пытается силой отнять свою невесту, но в итоге добродетели Мстислава приводят к тому, что братья примиряются, а Ольга достается Ярославу.

Сведения о братьях Мстиславе и Ярославе, сыновьях Владимира Святославича, являются достоверными. Князь Мстислав Владимирович по прозвищу Храбрый, в крещении Константин, сын Владимира Святославича, с 989 г. был в Тмутаракани наместником своего отца, киевского князя, а с 1010 г. княжил самостоятельно до смерти в 1036 г. В период княжения он подчинил себе некоторые населявшие территорию княжества народы. Знаменитый поединок Мстислава с касожским князем Редедей нашел отражение в целом ряде источников.

С 1023 г. Мстислав вел междоусобную войну за киевский престол со своим братом Ярославом. Князь Ярослав Владимирович принял новгородский престол после смерти старшего брата Вышеслава, но начал борьбу за Киев еще при жизни отца и продолжил ее с преемником Владимира, своим братом Святополком. Когда в 1019 г. Святополк был убит, Ярослав окончательно занял киевский престол. В 1023 г. недалеко от Чернигова произошла битва между Мстиславом и Ярославом, в которой Мстислав одержал победу, а Ярослав бежал в Новгород и правил Киевом через наместников, пока не заключил мир с Мстиславом, по которому Ярославу отходил Киев и правая сторона Днепра, а Мстиславу — левая, с Черниговом и Переславлем. Впрочем, после смерти Мстислава его престол тоже занял Ярослав.

История длительной вражды в некоторой степени отражена и в трагедии: Мстислав, заключая перемирие, говорит Ярославу:

Но помни, что моя рука непобедима.
Ко граду моему ты часто приступал;
Но следовало что? Твой трясся трон и пал.
[Сумароков 1787, ч. 4, с. 178]

Таким образом, события трагедии могут быть довольно точно датированы 1023–1024 гг. Очевидно, вымышленным является образ псковской княжны Ольги. В этот период псковская княжна могла быть только дочерью самого младшего сына князя Владимира, Судислава. Псков был выделен из Новгородского княжества и отдан Судиславу Владимировичу в 1014 г., когда Ярослав начал борьбу с Владимиром. В 1036 г., после смерти Мстислава, Ярослав заточил Судислава в тюрьму и ликвидировал самостоятельность Псковского княжества. Об участии Судислава в междоусобицах Владимировичей первой половины 1020-х гг., как и о его семье, ничего не известно. Но даже если предположить, что у Судислава была дочь, то она бы приходилась Ярославу и Мстиславу родной племянницей, брак с которой был бы вряд ли возможен. Стоит также отметить, что оба брата-соперника на тот момент были женаты.

В то же время Ольга в трагедии названа «княжной псковских князей», которая «соплеменна Рогнеде» [Сумароков 1787, ч. 4, с. 131]. Упоминание Рогнеды заставляет вспомнить другой спор двух братьев за невесту: полоцкая княжна Рогнеда была объявлена невестой Ярополка Святославича, а его брат Владимир просил ее за себя. Получив отказ, Владимир в 978 г. взял Полоцк и женился на Рогнеде. Именно в этом браке родились Ярослав и Мстислав, о чем в трагедии Сумарокова Ярослав напоминает брату:

Рогнеда мать нам, Владимир нам родитель:
А больше между нас с тобой различий нет.
[Сумароков 1787, ч. 4, с. 154]

Кроме того, само имя Ольга, по всей вероятности, отсылает к самой известной псковской княгине Ольге, отличавшейся, согласно летописным свидетельствам, многими христианскими добродетелями. Скорее всего, совокупность этих обстоятельств позволила Сумарокову наделить свою героиню титулом псковской княжны.

Помимо упоминания Рогнеды, матери Мстислава и Ярослава, в трагедии говорится также о судьбе их несчастных братьев, Бориса и Глеба, и их убийцы Святополка:

Бориса, Глеба смерть незапная брала,
Убийцу их земля живого пожрала,

Другие князи, зря бессильны обороны,
Сложили волею с себя свои короны...
[Сумароков 1787, ч. 4, с. 131]

Наконец, один из персонажей, злодей Бурновой, рассказывает о разделе князем Владимиром земель между сыновьями, произошедшем в 988 г.:

Владимир, разделив российскую державу,
Дал сей Мстиславу град, дал Киев Ярославу,
А протчи области другим своим сынам...
[Сумароков 1787, ч. 4, с. 131]

Итак, «Мстислав» по сравнению с двумя более ранними трагедиями, написанными на близком материале, заметно отличается исторической обоснованностью событий и персонажей. Причин этому может быть две: или у Сумарокова появились дополнительные источники информации, которых у него не было ранее, или он постепенно пришел к необходимости опираться на исторические сведения в своих пьесах.

Ю. В. Стенник пишет о том, что основным источником исторических сведений Сумарокова, которые он использовал в своих трагедиях, был так называемый «Киевский синопсис» Иннокентия Гизеля [Гизель]. «Синопсис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князьях богоспасаемого града Киева» был впервые издан в 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры. Автором его предположительно был архимандрит лавры Иннокентий Гизель (1600—1683). Синопсис многократно переиздавался: например, в XVIII в. он выходил семь раз: в 1735, 1746, 1762, 1768, 1777, 1785, 1798 гг., поэтому по праву может считаться самым распространенным историческим сочинением в России в этот период. Предположение, что Сумароков пользовался этим сочинением, основывается прежде всего на том, что других доступных источников такого рода просто не было, особенно в ранний период трагедийного творчества Сумарокова. В то же время прямых свидетельств того, что Сумароков именно читал Гизеля, а не слышал, например, в пересказе, у нас все же нет.

Тем не менее в «Киевском синопсисе» действительно есть краткие сведения обо всех упомянутых выше князьях: Ярополке, Вышеславе, Мстиславе и Ярославе. Ярополк впервые появляется в эпизоде сидения княгини Ольги с внуками в Киеве в 968 г., во время набега печенегов [Гизель, с. 49]. Гизель также кратко пишет о наделении Ярополка киевским престолом по

воле его отца Святослава [Гизель, с. 51] и о распре Ярослава с Олегом в Овруче [Гизель, с. 53].

Имя Вышеслава возникает только при перечислении детей князя Владимира [Гизель, с. 65–66] и в рассказе о разделе им княжеств [Гизель, с. 103]. Там же названы и Мстислав с Ярославом, и псковский князь Судислав. О вражде Владимировичей сказано очень кратко [Гизель, с. 108], как и о борьбе за Рогнеду [Гизель, с. 55]. Кроме того, в «Синописе» есть рассказ о Святополке и печальной судьбе Бориса и Глеба [Гизель, с. 109]. Но о попытках Ярослава претендовать на киевский престол при жизни Владимира в «Синописе» ничего не сказано.

В целом следует признать, что сведений, приводимых в «Синописе», вполне достаточно для того уровня исторической базы, которая просматривается, по крайней мере, в первых двух из исследуемых трагедий. Тем не менее очевидно, что с каждой следующей трагедией Сумароков все больше стремился к соблюдению принципа исторической достоверности, хотя и в известных пределах.

В связи с этим возникает вопрос, что же могло повлиять на формирование этой тенденции. Прямой и однозначный ответ вряд ли возможен, но можно высказать несколько предположений. Например, на изменение характера трагедий Сумарокова могло оказать воздействие появление немецкого перевода произведений У. Шекспира, подготовленного К. В. фон Борком и К. М. Виландом и вышедшего в Цюрихе в 1762–1764 гг. [Shakespeare]².

Сумароков, вне всякого сомнения, интересовался творчеством Шекспира. Он, вероятно, одним из первых назвал имя английского драматурга по-русски, в 1748 г. в «Епистоле о стихотворстве» поставив его рядом с Дж. Мильтоном, но и противопоставив последнему: «Мильтон и Шекспир, хотя непросвещенный» [Сумароков 1781, ч. 1, с. 335]. В примечании к «Епистоле...» Сумароков сформулировал неоднозначную оценку творчества Шекспира: «...английский трагик и комик, в котором и очень хороша и чрезвычайно хорошева очень много» [Сумароков 1781, ч. 1, с. 355]³. Ту же мысль Сумароков повторил позднее в статье 1762 г. «О стихотворстве», говоря уже только о трагедиях: «Шекспир писал трагедии, из которых многие есть очень хорошие и многие очень худые» [Сумароков 1762, с. 233].

² Пользуясь случаем, я хочу поблагодарить Н. Ю. Алексееву и А. Ю. Соловьеву, которые посоветовали мне обратить внимание на шекспировское влияние на Сумарокова в аспекте, рассматриваемом в статье.

³ Об источниках этой оценки см. [Шекспир и русская культура].

Ранее, в 1748 г., Сумароков выпустил свое переложение трагедии «Гамлет». По мнению исследователей, основным источником сумароковского «Гамлета» послужило, в свою очередь, французское переложение трагедии Шекспира, выполненное П.-А. Лапласом в 1745 г.⁴ Однако благодаря исследованию М. Левитта известно, что в период работы над «Гамлетом» Сумароков брал в петербургской библиотеке Академии наук лондонское издание произведений Шекспира 1685 г. (четвертое фолио) [Левитт, с. 53]. Но до сих пор нет оснований считать, что Сумароков владел английским языком. Поэтому вполне логично предположить, что источником подробного знакомства с творчеством Шекспира для Сумарокова могло стать немецкое издание, в которое вошли все основные шекспировские трагедии и исторические хроники. К сожалению, никаких прямых свидетельств знакомства Сумарокова с этим изданием нет, поэтому наша версия может существовать только как предположение.

Зато есть другие источники, которых Сумароков не мог не знать. Представляется вполне вероятным, что толчком к более внимательному отношению Сумарокова к исторической основе в его последней трагедии стал выход в 1766 г. «Древней российской истории» М. В. Ломоносова. Вся вышеперечисленная информация, которая встречается у Гизеля, приводится и Ломоносовым, причем без принципиальных расхождений, что говорит в первую очередь о том, что они опирались во многом на общие источники. Но сведения Ломоносова намного более полны и подробны. И особенно это касается личности Мстислава, которому Гизель вообще не уделил самостоятельного раздела.

Во-первых, следует отметить, что Тмутаракань для Ломоносова (как, впрочем, и для Гизеля) не является каким-то мифическим местом, она описывается как вполне реальный город. Во-вторых, Ломоносов приводит легенду о том, что в поединке с касожским князем Редедей Мстислав дал обет построить церковь, что говорит о его благочестии. Стоит отметить, что «Мстислав» — первая и единственная трагедия на древнерусском материале, в которой герои почитают единого Бога. Примирение Мстислава с Ярославом Ломоносов описывает как благородный поступок первого: «По сей победе, довольствуясь преимуществом храбрости, послал <Мстислав> сказать Ярославу: „Ты брат мне старший. Сядь в Киеве на отеческом великом княжении: мне одна сторона Днепра довольна будет“» [Ломоносов, с. 283]. Он также упоминает об отказе Ярослава платить дань Владимиру и о его готовности собрать варяжское войско для борьбы за отцовский престол.

⁴ Литературу, посвященную сумароковскому «Гамлету», см., например: [Левитт, с. 47].

Можно усмотреть следы влияния ломоносовской «Древней российской истории» и на трагедию «Вышеслав» — Ломоносов в этот период чаще называет древлянскую столицу именно Искорестом [Ломоносов, с. 232–233], а не Коростенем, как Гизель [Гизель, с. 37, 40] или, например, Ф. Эмин в своей «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей...» [Эмин].

Весьма соблазнительно также предположить вслед за Стенником, что Сумароков мог быть знаком с содержимым «портфелей» Г. Ф. Миллера [Стенник 2004, с. 109], в частности с рукописью «Истории Российской» В. Н. Татищева. Тем более что данная Татищевым характеристика Мстислава еще более отвечает сумароковскому образу мудрого и справедливого правителя: Татищев пишет, что Мстислав был «храбр на войне и милостив, жалуя служащих ему, не щадя имения, пищи и одеяния» [Татищев, с. 105]. У Сумарокова Мстислав, терзаемый любовью, абсолютно уверен в своей власти и преданности подданных, так как считает себя справедливым и милостивым правителем:

Во безопасности живу среди я града;
Я подданным отец, мне подданныя чада.
[Сумароков, 1787, ч. 4, с. 144]

Первая часть «Истории Российской» была издана уже в 1768–1769 гг., но информация о Ярополке, Вышеславе и Мстиславе у Татищева содержится во втором томе, который вышел только в 1773 г., и доказать знакомство с ним Сумарокова не представляется возможным.

Немаловажную роль в постепенном усилении исторической составляющей трагедий, вероятно, сыграл и успех «Дмитрия Самозванца», трагедии, которая, в том числе и за счет обращения к более близким событиям, единодушно была признана и наиболее историчной.

Таким образом, на примере трех рассмотренных трагедий можно увидеть постепенное увеличение внимания и интереса Сумарокова к исторической составляющей своих трагедий на древнерусском материале. «Мстислав» является логичным завершением эволюции сумароковского трагедийного творчества, хотя и невольным (согласно письму Сумарокова Потемкину от 28 сентября 1775 г., драматург планировал по совету своего покровителя писать следующую трагедию «без рифмы» [Письма русских писателей, с. 174]). В ее художественной структуре Сумароков пришел к своего рода синтезу, объединив в образе Мстислава черты его предшественников: Вышеслава — добродетельного правителя, стремящегося сохранить здравый смысл и думающего о долге, — и коварного злодея Дмитрия. Этот психо-

логический портрет был подкреплён исторической основой, заметно отличающей данную трагедию от предыдущих. К сожалению, эта особенность последней сумароковской трагедии ускользнула от внимания как публики, так и критики, что, вероятно, связано и с определенной инерцией в восприятии его пьес, и с общими тенденциями развития драматургии этого времени.

Литература

- Булич — Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. XIV, 290 с.
- Веселова 2011 — Веселова А. Ю. Трагедии Сумарокова в русской критике XIX века // XVIII век. СПб.: Наука, 2011. Сб. 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. С. 118–131.
- Веселова 2017 — Веселова А. Ю. Расиновский контекст трагедий А. П. Сумарокова конца 1760-х годов // XVIII век. СПб.: Альянс-Архео, 2017. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. С. 81–94.
- Гизель — Гизель И. Синописис, или Краткое описание о начале славенского народа... СПб.: Имп. Академия наук, 1735. 294 с.
- Гуковский — Гуковский Г. А. О сумароковской трагедии // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 214–228.
- Ельницкая — Ельницкая Т. М. Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы, 1750–1800 // История русского драматического театра. М.: Наука, 1977. Т. 1. С. 438–473.
- Левитт — Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. СПб.: Наука, 1995. Сб. 19. С. 43–59.
- Ломоносов — Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года... // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 163–286.
- Мерзляков — Мерзляков А. Ф. Сумароков // Вестник Европы. 1817. № 13. С. 106–140.
- Письма русских писателей — Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. 472 с.
- Резанов — Резанов В. И. Парижские рукописные тексты сочинений А. П. Сумарокова // Известия ОРЯС АН. 1907. Т. 12, кн. 2. С. 135–169.
- Серман — Серман И. З. Русский классицизм: поэзия, драма, сатира. Л.: Наука, 1973. 284 с.
- Стенник 1981 — Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. Л.: Наука, 1981. 168 с.
- Стенник 1999 — Стенник Ю. В. Сумароков в критике 1810-х годов // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21: Памяти Павла Наумовича Беркова. С. 401–411.
- Стенник 2004 — Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с.
- Сумароков 1762 — Сумароков А. П. О стихотворстве // Полезное увеселение. 1762. Июнь.

- Сумароков 1781 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе ... Александра Петровича Сумарокова / Собр. и изд. ... Николаем Новиковым... М.: Унив. тип., 1781–1782. Ч. 1–10.
- Сумароков 1787 — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе ... Александра Петровича Сумарокова / Собр. и изд. ... Николаем Новиковым... 2-е изд. М.: Унив. тип., 1787. Ч. 1–10.
- Татищев — *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. М.: Имп. Московский ун-т, 1773. Кн. 2. 536 с.
- Шекспир и русская культура — Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1965. 823 с.
- Эмин — *Эмин Ф. А.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая. СПб.: Имп. Академия наук, 1767. Т. 1. 425 с.
- Shakespeare — *Shakespeare W.* *Theatralische Werke / Aus dem Engl. übers. von Herrn Wieland.* Zürich: Bey O. Gessner, 1762–1764. Bd. 1–8.

References

- Alekseev, M. P., ed. (1965). *Shakespeare i russkaya kul'tura*. Moscow; Leningrad: Nauka, 823 p.
- Bulich, N. N. (1854). *Sumarokov i sovremennaya emu kritika*. Saint Petersburg: Tipografiya E. Pratz, XIV, 290 p.
- El'nitskaya, T. M. (1977). 'Repertuar dramaticheskikh trupp Peterburga i Moskvyy 1750–1800', in: *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra*. Moscow: Nauka, Vol. 1, 438–473.
- Emin, F. A. (1767). *Rossiiskaya istoriya zhizni vseh drevnykh ot samogo nachala Rossii gosudarei, vse velikiya i vechnoi dostoinye pamyati imperatora Petra Velikago deistviya, ego naslednits i naslednikov emu posledovanie i opisanie v Severe zlatago veka vo vremya tsarstvovaniya Ekateriny Velikoi v sebe zaklyuchayushchaya*. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, Vol. 1, 425 p.
- Gizel', I. (1735). *Sinopsis, ili Kratkoe opisanie o nachale slavenskogo naroda...* Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 294 p.
- Gukovskii, G. A. (2001). 'O sumarokovskoi tragedii', in: Gukovskii, G. A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii 18 veka*. Moscow: Jazyki russkoi kultury, 214–228.
- Levitt, M. (1995). 'Sumarokov — chitatel' Peterburgskoi biblioteki Akademii nauk', in: *18 vek*. Saint Petersburg: Nauka, Vol. 19, 43–59.
- Lomonosov, M. V. (1952). 'Drevnyaya rossiiskaya istoriya ot nachala rossiiskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda...!', in: Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, Vol. 6, 163–286.
- Makogonenko, G. P., ed. (1980). *Pis'ma russkikh pisatelei 18 veka*. Leningrad: Nauka, 472 p.
- Merzlyakov, A. F. (1817). 'Sumarokov', *Vestnik Evropy*, 13, 106–140.
- Rezanov, V. I. (1907). 'Parizhskie rukopisnye teksty sochinenii A. P. Sumarokova', *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*, Vol. 12, 2, 135–169.
- Serman, I. Z. (1973). *Russkii klassitsizm: poeziya, drama, satira*. Leningrad: Nauka, 284 p.
- Shakespeare, W. (1762–1764). *Theatralische Werke*. Aus dem Engl. übers. von Herrn Wieland. Zürich: Bey O. Gessner, Bd. 1–8.

- Stennik, Yu. V. (2004). *Ideya "drevnei" i "novoi" Rossii v literature i obshchestvenno-istoricheskoi mysli 18 — nachala 19 veka*. Saint-Petersburg: Nauka, 277 p.
- Stennik, Yu. V. (1999). 'Sumarokov v kritike 1810-kh godov', in: *18 vek. Pamyati Pavla Naumovicha Berkova*. Saint-Petersburg: Nauka, Vol. 21, 401–411.
- Stennik, Yu. V. (1981). *Zhanr tragedii v russkoi literature. Epokha klassitsizma*. Leningrad: Nauka, 168 p.
- Sumarokov, A. P. (1762). 'O stikhotvorstve', *Poleznoe uveselenie*, lyun'.
- Sumarokov, A. P. (1781). *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze ... Aleksandra Petrovicha Sumarokova. Sobrany i izdany ... Nikolaem Novikovym...* Moscow: Universitetskaya tipografiya, Vol. 1–10.
- Sumarokov, A. P. (1787). *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze ... Aleksandra Petrovicha Sumarokova. Sobrany i izdany ... Nikolaem Novikovym...* Moscow: Universitetskaya tipografiya, Vol. 1–10.
- Tatishchev, V. N. (1773). *Istoriya rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen*. Moscow: Imperatorskii Moskovskii universitet, 1773. Vol. 2, 536 p.
- Veselova, A. Yu. (2017). 'Rasinovskii kontekst tragedii A. P. Sumarokova kontsa 1760-kh godov', in: *18 vek. Literaturnaya zhizn' Rossii 18 veka*. Saint-Petersburg: Al'yans-Arkeo, Vol. 29, 81–94.
- Veselova, A. Yu. (2011). 'Tragedii Sumarokova v russkoi kritike 19 veka', in: *XVIII vek. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii 18 veka*. Saint-Petersburg: Nauka, Vol. 26, 118–131.